Глава Пятая. Молния

Остахан проснулся рано. Его тревожил неприятный сон. В это раз ночь застала его в пути, и пришлось ставить палатку в чистом поле. Сейчас же, утром, он развел костер, создал воды и варил себе завтрак. Он помешивал кашу сидя на пне и все думал о плохом сне. Ночное видение казалось ему важны, но он никак не мог вспомнить его. Размышления прервал призрачный конь, что прискакал к нему по воздуху не имея крыльев. Посланник произнес:

-Либриспир, вероятность встречи была высока, вот я тебя и настиг! Жди меня здесь же. Я прибуду скорейшим путем.

Призрачный конь встал на дыбы, заржал, пустился гарцевать вокруг путника и растворился в воздухе. Остахан как сидел помешивая кашу, так и остался сидеть, только улыбнулся.

***

Миновало утро, полдень близился, и солнце неуклонно стремилось к середине небосвода. Ветер властвовал на полях, клоня высокие колосья то в одну, то в другую стороны, заставлял золотистую гладь извиваться, как извиваются морские волны.

Остахан переделал палатку, соорудив из нее навес, и прятался под ним от солнцепека. Он наблюдал за горизонтом, а точнее за каретой, которая мгновение назад появилась из-за далекой лесной ограды и очень быстро приближалась. Карета ехала сама собой, не имея ни лошадей, что тянули бы ее, ни возницы, что правил бы ими. Вскоре она остановилась перед стоянкой Остахана. Дверь отворилась, и из кареты не то чтобы вышел, а скорее уж выпрыгнул молодой мужчина в очень дорогой одежде. Мужчина был высокий, чуть-чуть выше Остахана, с приятным лицом и густыми черными волосами до плеч. Легкая, двухдневная щетина на подбородке и под носом не то чтобы красила, но и не уродовала его лица.

-Либриспир, наконец встретились! – радостно воскликнул он.

-Камбинумир[36], сколько лет!

Друзья пожали друг-другу руки и обнялись.

-Как ты? – первым спросил Остахан

-Как всегда, в погоне за новизной и удачей. А ты?

-Тоже в поисках. Успешных. В последнее время мне улыбается удача. Смотрю ты стал путешествовать с удобством. Куда пропала твоя любовь к ездовым зверям Маркус?

-Ха! С чего ты взял, что она куда-то пропала? Я вообще то торопился исполнить твою просьбу, и жребий подсказывал совершить это быстрейшим способом.

Остахан хотел было спросить: «Так Елена уже с тобой?»; как вдруг увидел выходящего из кареты Грегона. Путник обрадовался и воскликнул:

-Милая баронета, радость скорой встречи переполняет меня. Но что такое, ты уже стала важной колдуньей, что не желаешь даже поздороваться со мной? Самое время селиться на болоте.

Но баронета не ответила. Ответил Грегон, он был серьезен и угрюм.

-Елены здесь нет. Ее похитили.

Остахан был озадачен

-Какие-то монстры, коты-переростки – ухмыляясь пояснил Маркус, ничто на свете не могло истребить его задора.

А путник вдруг резко побледнел. Ему ясно вспомнился ночной кошмар, он видел Елену и она молила его о спасении.

-Я разузнал, что они отправились в башню и решил сперва найти тебя. Знаешь, что это за монстры?

-Чупакабры… В башне живет химеролог Атив-Силибатум, слышал о нем?

-Нет. А должен был?

У Остахана было плохое предчувствие. Он запустил руку за воротник, на шее среди оберегов висел свисток, путник дунул в него, но никаких звуков не раздалось, по крайней мере для людских ушей.

-Я немедленно отправляюсь в башню. Ты полетишь со мной?

-Зачем лететь? На карете будет быстрее.

-Башню окружает топь, легче перелететь, чем проложить путь.

-Вероятно да. Сейчас решим, лететь ли с тобой – Камбинумир вынул из кармана монетку, на одной стороне, которой было солнце, а на другой пустота – свет - лечу, пусто - остаюсь – он подбросил монетку выпала пустая сторона.

-Тогда я с тобой – выступил вперед Грегон

Друзья говорили на магриде, но язык, на котором говорили местные произошел от древнего магрида и был с ним же созвучен, потому юноша понимал часть сказанного.

-Ради Елены я на все готов – смело провозгласил он.

-Нет, мешаться будешь – ответил Остахан Грегону и спросил у Маркуса – Ты зачем его взял?

-Просил очень настойчиво – волшебник усмехнулся – а еще он одаренный.

-Что? Как? – встал в ступор Остахан

-А ты не заметил? Скрытый дар, да еще и эльфийская кровь…

-Да какая к черту разница! – взорвался Грегон – Из-за вас Елена в лапах разводчика чудовищ! Ее нужно скорее спасать! Хотите вы этого или нет я пойду за ней и я готов пожертвовать чем угодно ради ее спасения!

Маркус и Остахан смерили юношу возмущенными взглядами, и хоть внешне они негодовали, но в душе прониклись к нему уважением.

-Все равно нет – покачал головой путник.

Юноша хотел было возразить, но ему помешал грозный орлиный крик. Все вскинули головы, посмотрели в небо. На них неслось огромное крылатое создание. Оно расправило крылья так, чтобы замедлить полет и находясь уже в нескольких метрах над землей грифон взмахнул ими, раздался громкий хлопок, на людей на земле обрушился шквал ветра, Остаханов навес попросту сдуло, карета качнулась, Грегон упал на землю, прикрыв голову, путник и волшебник руками прикрыли лица от ветра. Грифон приземлился, воскликнул еще раз. Остахан протянул руку и зверь подставил под нее голову.

-Соскучился Прайм? – он погладил оперение на шее – Я тоже старый друг.

-Ух красавец! – Маркус тоже попытался погладить грифона, но Прайм вскричал и щелкнул клювом, едва не лишив волшебника ладони, тот успел вовремя отдёрнуть руку. Это действие только раззадорило Лейбнговиля, он радостно засмеялся.

-Красавец! Какой грозный! Он летал неподалеку? Зачем плестись пешком, когда можно – он воздел руки и лицо к небу – летать!

-Потому что смысл странствия в том, чтобы пройти его, а не пролететь упустив все самое важное – отвечая на вопрос Остахан взбирался на грифона.

Он уселся в седло, что было на спине у зверя сочетавшего в себе черты льва и орла, надел пояс прицепленный к седлу, что предохранял от падения.

-Маркус, прошу, так или иначе явись к башне, если я потерплю неудачу, спаси девушку.

Остахан дал команду. Грифон воскликнул, бросился бежать по полю, набрав скорость, сделал маленький прыжок вперед, на мгновение припал к земле и прыгнул второй раз, уже вверх. Он со всей силы оттолкнулся от земли одновременно взмахнул крыльями – прыгнул высоко-высоко. Грифон взмахивал крыльями еще и еще, набирая высоту, и расправив их воспарил. Улетел в сторону башни.

В то же время Камбинумир подбрасывал монетку…

***

Грифон приземлился на крышу башни с воистину кошачьей грацией, не зацепив беседки. Остахан спрыгнул с него и попросил полетать по округе, но не отдалятся от башни, чтобы быстро явиться на зов, если потребуется.

Прежде чем идти дальше Остахан подготовился на всякий случай. Он наложил на себя чары «Ясновидения» и «Доспех телекинетика», придал больше сил чарам «Духовного стража», что действуют всегда, когда чародей бодрствует и воссоздал зачарования временно усиливающие обереги, которые войдя в состояние синергии с «Духовным стражем» многократно увеличили возможности последнего.

Спустившись на шестой этаж, Остахан волшебством усилил голос и прокричал «Филипп! Выходи. Нежданный гость вернулся!», заявив о себе таким образом он продолжил спускаться вниз. Надеяться, что волшебник мог не заметить постороннего в башне, не было никакого смысла, а значит не было смысла прятаться. На пятом этаже ему встретилась разозленная и взъерошенная Кэт. Женщина надменно провизжала:

-Опять ты! Хватит орать, мешаешь спать, грубиян! Пошел прочь из…

Остахан не обратил внимания. На кошку было наплевать. На четвертом этаже, перед входом в лабораторию он встретил Кубика.

-В раблаторию нельзя. Хозяин не велел, у него важный хэкспремнт.

-Твоему хозяину придётся его отложить – Остахан жестко постучал кулаком о дверь – Ативсилибатум открывай!

Но дверь не отрылась и ответа не было. Остахан спросил Кубика:

-Ты видел девушку? Молодую, красивую. Где она?

-Хозяин не велел. Уходите, пожалейте хотя бы бедного кубика.

-Ах ты… – «А есть ли смысл злиться на слугу?» подумал он – уходи прочь. Я сам заставлю твоего хозяин выйти.

Сломать защиту лаборатории он никак бы не смог, зато мог бы постучать в дверь так, что хозяин башни не смог бы его игнорировать. Он поднял посох, имеет ли смысл упоминать, что он почти всегда при нем, прислонил руку к двери, произнес два сложенных вместе заклинания: «Сий-гальм аль-энг Каль-эсал Ий-маль-ка-гал Эс-Каль», и легонько стукнул кончиком посоха в точку посредине между большим и указательным пальцами. Заклинание должно было слегка ослабить защиту и даже локально рассеять ее, а после покорежить дверь, в идеале пробить в ней дыру размером с кулак кузнеца или хотя бы оставить вмятину. Но Остахан не мог в полной мере разглядеть формы защитных чар и как следствие слегка ошибался в их свойствах. В итоге удар не повредил двери, но сотряс башню, словно один толчок слабого землетрясения. Это происшествие привлекло внимание Шу-Керата гораздо лучше того, которое задумывал Остахан. Химеролог отворил дверь, воскликнув:

-Хан! Что ты устро…

-Что ты задумал Филипп? – перебил его Остахан и ворвался в лабораторию – По какому праву похитил Елену? Ей обещан другой учитель. Зачем она тебе?

-Умерь свой пыл друг мой. Очевидно же, все ради волшебных искусств.

-Я жду ответа. И где она?

-Где она зависит от того, что тебе нужно. Ее дух? Или ее плоть? Одно в той части лаборатории, другой в этой – указывал пальцем химеролог.

Остахан затаил дыхание. Он посмотрел в одну сторону, чародейская сторона. На ней был вычерчен сложный многогранный волшебный круг из множества узоров, форм и символов, а в центре круга над землей парил редчайший артефакт, кристалл, духовная оболочка, заполненная многоцветной силой души, что текла и струилась внутри и вокруг него. Остахан посмотрел на другую сторону и сердце его ушло в пятки: все важные органы разложены по баночкам и залиты формалинов, отдельный контейнер наполнен кровью, а на столе тело без кожи, наполовину скелет лишенный большинства мышц.

Остахан был не из тех людей, которые не выдерживают отвратительных зрелищ, но в этот раз он не устоял из-за шока. В памяти промелькнула прекрасная радостная девушка, а вид того, что с ней стало вынудил Остахана исторгнуть завтрак на пол лаборатории. Это заставило Шу-Керата сварливо ворчать. А Остахан сплюнул, вытер рот ладонью, но еще целую минуту не мог

вымолвить не слова. А потом набросился на химеролога, схватив того за воротник.

-Ты понимаешь, что ты наделал? Как ты мог погубить ее! Ты… Ты! – не мог он подобрать слова.

-Не соглашусь. Оно того стоит. Только представь какие перспективы открывает мое исследование – он телекинезом оттолкнул Остахана – Безграничная регенерация! – Атив-Силибатум разразился восхищенной тирадой, а Остахан стиснув зубы и сжав кулаки просто слушал, и искал в себе силы, чтобы сдержать гнев – Ты только представь, можно забыть о старении, и это только вершина айсберга. Я думал, если научить ткани безостановочно регенерировать друг из друга, то что мы получим? Бессмертие, казалось бы. Отрубленные руки сможем восстанавливать, восстанавливать сердце, разум и прочее, но они же из чего-то должны вырастать. А если им вырастать неоткуда, тела нет, обратилось в пыль, начисто стерто? Тогда выходит это никакое не бессмертие а надувательство. Но что же остается. Когда тело исчезает. Ах у нас же есть душа. Она же хранит в себе все знания об индивиде которым когда-то была. А что если взять и волшебством воплотить те знания, что хранятся в душе, воссоздать жидкости, кости, плоть и прочее и как завершающий аспект творения сковать душу и получившееся тело воедино. Конечно у концепта есть недостатки. Например, как удержать душу от рассеивания и при этом не стать призраком или как выжить, если душу рассеивают злонамеренно? Я пока раздумываю над этим, если использовать духовную оболочку то себя невозможно… Ах это пока что в принципе не поддается контролю. Как один из вариантов возможно зацепить душу за некий важный предмет, что опять же имеет очевидные минусы…

-Но зачем! Зачем тебе она? Тем более одаренная.

-Вот именно - одаренное. Я получил допустимый результат при опыте с прошлым образцом. Пускай оно тупо и пускает слюни, но возрождение удалось, а прочее мы исправим со временем. Однако такое решение требует помощи извне, а мой концепт подразумевает своевольное самовосстановление. Кто если не одаренный на это способен.

-Испробовал бы сперва на себе.

-Это шутка? Мне не смешно. Я что похож на психа? Любой уважающий себя исследователь знает непреложное правило, прежде чем использовать неизвестный метод, сперва его проверяют на наименее ценных образцах. Иначе отрывает руки.

-Но она же могла стать волшебницей. Одной из нас.

-Но ведь еще не стало. Не потеряно драгоценное время. И пока этот прекрасный разум не наполнится знаниями, эта жизнь еще не представляет действительной ценности. Мне конечно же жаль это. Это воистину грустно. Оно много могло добиться, и грех терзает мое сердце, и все же польза для волшебных искусств… нет для целого волшебного мира превыше всего. Если преуспеем - мир будет ликовать! – на лице химеролога изобразился неистовый восторг.

-Стоит ли оно того?

-Определенно

-А если бы она оказалась гением, и нашла бы путь к бессмертию более легкий, минующий насилие над самым сокровенным, минуя насилие над душой. Душа же свята.

-Только для глупых фанатиков. Я исследователь, волшебник, химеролог и алхимик.

Остахан глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Он взял себя в руки.

-Твой поступок противен мне. Противен не только мне, но и всему миру, и волшебным искусствам и Всетворцу. Ты алхимик, химеролог и волшебник должен исправить его. Верни девочку к жизни сотвори чудо. Давай же! – последнюю фразу он выкрикнул.

-Как раз собирался это сделать – словно ни в чем не бывало ответил Шу-Керат – так что хватит мне мешать. Давай, уходи. Я люблю работать в одиночестве.

-Нет, я останусь и буду смотреть.

-Ты злоупотребляешь моим гостеприимством, я же могу разозлиться.

-Разозлиться! Ты действительно ничего не понимаешь или притворяешься? Атив, ты убил человека дорогого моему сердцу, мне глубоко наплевать на гостеприимство и на твои чувства. Твой труд дает хрупкие надежды возвратить ее к жизни, если бы не это, мы бы разговаривали по другом.

-Я собирался продолжить разделывать это. Ты действительно хочешь смотреть?

-Милостивый Всетворец! Конечно нет! Зачем тебе?

-Экономия. Чтобы создать новое тело нужен материал. Воссоздавать материал из волшебных сил весьма утомительный процесс. Поэтому я разложу это на составляющие и из составляющих соберу заново. Да, это несколько противоречит моему концепту, но в условиях эксперимента является приемлемым.

-Я думаю ты разо… ты сделал достаточно. Работай с тем, что есть. Скорее воскрешай ее.

-Но ведь тело наполовину собрано, это…

-Этого достаточно, чтобы проверить твою теорию. Разве ты сам не хочешь поскорее узнать результат?

-Такое исследование нельзя считать полным, но раз ты так настырно просишь…

Атив-Силибатум телекинетической силой переместил все «части девушки» в зону вокруг волшебного начертания, туда же переместились десяток колб наполненных разными веществами из алхимической зону лаборатории. Шу-Керат и Остахан перешли в чародейскую зону. Либриспир осмотрел волшебный круг, его предназначение было в том, чтобы зачаровать душу.

Химеролог начал эксперимент. Он стал медленно читать длинное и сложное заклинание, одновременно с этим мысленно направляя волшебные энергии в разные области чародейского начертания. Когда круг наполнился ими целиком, духовная оболочка выплеснула множество потоков духовной силы, некоторые обратились в фантомный силуэт Елены, а другие окружили этот силуэт, словно кольца планету. Фантомный силуэт дергался и расплывался, ее руки расставленные в сторону разделялись то надвое, то натрое, тоже было и с ногами, и с головой. Чародейские начертания проявили свою силу и духовные силы, что кольцами окружали тело стали ломаться, гнуться, разделяться и соединяться, они приобретали формы объемных символов а после уменьшались и притягивались, то к голове, то к сердцу фантомного тела, то к рукам или ногам, то ложились на спину или на живот. Каждое соединение символа с телом отдавалось эхом в подсознании присутствующих, то им сдавливало давлением уши, то захватывало дух, иногда они различали в смоем разуме эхо которое должно было бы быть стоном удовольствия или же являлось им криком боли.

Остахан и сам прошел через нечто подобное, с той лишь разницей, что он был жив и испытал на себе гораздо меньшее количество преображений и к тому же не таких сильных. Ощущение было странным и малоприятным, словно твое нутро наполняет нечто неестественное, а если попытаешься сопротивляться оно может причинить нестерпимые мучения и боль. Преображение девушки было насильно, страшно представить, что она может испытывать. Остахан сглотнул и в очередной раз стиснул челюсти и сжал кулаки.

Химеролог завершил чтение, и на том остановилось преображение.

-Ну вот, самое интересное – воодушевленно провозгласил он при этом упав на одно колено, ритуал вымотал, истощил его силу воли.

Шу-Керат протянул вперед руку. Кристалл духовной оболочки вспыхнул, вытолкнул из себя все духовные силы, и уже тусклый вылетел за пределы чародейских начертаний и опустился в руку химеролога. Фантомное тело вдруг стало тускнеть, но через мгновение символы на нем вспыхнули, а за ним вспыхнул и сам дух. Призрачное лицо исказилось гримасой ужаса, не издало звука, но присутствующим сдавило виски и заложило уши, их нутро опустело, прочувствовало и осознало мученический крик, агонию на уровнях недоступных человеческому восприятию, но ощутимую шестым чувством.

«Части тела девушки» и алхимические вещества рядом с кругом исказились, потеряли форму и словно жидкий метал потекли к фантомному телу. Сперва сформировался скелет, затем разум, от которого выросли тоненькие щупальца, повторившие всю форму фантомного тела, затем было сердце и сосуды, потом другие органы и мышцы, а за ними и кожа и волосы. Елена в своей первозданной красоте, парила над чародейским начертанием. Но вдруг ее покорежило и скривило: ноги неестественно вывернулись, как и руки, голову скосило на бок, талия ушла в сторону, глаза налились кровью, шея вздулась, вздулась и одна из рук, нога отсохла. Аморфное создание упало на пол, стало пускать слюни и издавать булькающие и хрюкающие звуки.

Остахан упал на колени. Химеролог ругнулся.

-Проклятье! Не вышло! Теперь убирать все это. Ничего, так или иначе результат неплох. Нужно лишь разобраться в случившемся, исправить ошибки и повторить. Ох… – приподнимаясь с колена он едва удержал равновесие – Так, пора бы принят Мулискортирэйский порошок, а то что-то я вымотался – Шу-Керат ушел в алхимическую зону.

Остахан поднялся. Его лицо ничего не выражало. Он подошел к несчастному существу. Оно плакало кровью и мычало. Остахан опустился, коснулся той части лица, что хоть совсем чуть-чуть было похоже на некогда красивую девушку. И она прохрипела:

-Уб… ме… …то не вы… боль… про… убей…

Остахан резко встал. Его руки дрожали. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул, медленно выдохнул. Открыл глаза, взмахнул посохом и грозно произнес: «Сий-гальм аль-энг Ий-маль-ка-эсий» – посох вспыхнул ярким белым светом, и словно испаряющаяся влага, все волшебные чары на ее теле обратились голубой дымкой – «Каль-Эсаль Юйо-па-аль-галь-пэ Эналь-хий-Юйо» – чародей указал посохом, и ее тело вспыхнуло белым пламенем, настолько жарким, что за несколько мгновений обратилось в пепел.

Раздался звон разбитого стекла, Шу-Керат уронил флакон с белым порошком. Он недоуменно уставился на Остахана.

-Зачем вы это сделали? В понимаете, что уничтожили ценнейший материал! – возмутился

химеролог.

Лицо чародея исказилось в зверином оскале. Он отбросил посох и тот повис в воздухе, в тот же миг, щёлкнула застёжка, зашелестели страницы, гримуар поднялся в воздух открытый представ перед своим владельцем.

«Ку-элог эналь» – волшебник произнес первые строки заклинания, из гримуара воспарила форма волшебных энергий сплетенных как сфера – «Мюйк» – он прихлопнул эту сферу ладонями.

Химеролог побледнел.

«Туй-гнал-ла-каль-мю» –чародей развел руки в стороны. Между ними растянулось несколько синих всполохов. Остахан направил руки на Шу-Керата, и свет в лаборатории померк, а расстояние между волшебниками расчертила белая линия, и меньше чем через мгновения прозвучал оглушительный гром. В этот раз башня сотряслась еще сильнее.

Лицо Остахана обдало ветром, тот же ветер рассеивал облако каменной пыли. В башне теперь была дыра размером с маленький сарайчик, она выглядывающая на двор и захватывала еще и части соседних этажей. По потолку лаборатории шла трещина, что скорее всего была не единственной.

Еще до того как пыль успела выветриться, раздался полный боли крик химеролога. С волшебниками никогда не бывает просто. Конечно же у Атива, как и у любого уважающего себя волшебника был защитный оберег, который увел силу молнии в сторону, но все же он не был способен полностью защитись владельца от такого сильного заклинания. Через мгновение на Остахана обрушилось чудовищное давление, словно его придавил большой кусок скалы, но чары доспеха не позволили ему расплющиться, а так как давление шло сверху и спереди, его отталкивало и отодвигало назад. Вместе с ним отталкивались все предметы вокруг, некоторые из них корежились, а некоторые ломались и раздавливались. Призрачный силуэт возник над чародеем, глаза силуэта светили белым и пространство вокруг медленно заполнялось голубой дымкой, которая обращаясь в несколько завихренных потоков впитывалась в духовного стража.

Копна пыли резко разошлась в стороны, открывая сгорбленную фигуру химеролога. Он только что выпил зелье и бросил на землю пустой флакон. Левая рука, бедро и часть груди Шу-Керата были обуглены, край робы горел. Но подпаленная кожа шевелилась, уголь осыпался, а на его месте отрастала новая плоть. Судя по лицу само ранение и в придачу процесс его исцеления причиняли ему колоссальную боль. И как только он не умирал от болевого шока?

Остахан всплеснул руками сказал первую фразу, сформировалась сфера, и в тот же момент в голову, справа, его ударила каменная глыба, что раскололась о чародейский доспех, но сбила фразу, затем еще несколько камней, досок, осколков стекла и прочего хлама врезались в его тело, разбиваясь о доспех. На мелочь можно было не обращать внимания, но крупные предметы сталкивались с его руками, отбивали их в сторону, и сбили заклинание. Волшебник протянул руку к посоху, тот притянулся в ответ, он взмахнул им, раскрутил и отпустил - посох стал летать вокруг, крутясь и самостоятельно нанося удары, разбивая вдребезги все, что крупнее спелого яблока. В тоже время Остахан сам замахал руками, отправляя лететь в химеролога все, что плохо лежит. Но это было зря. Шу-Керат намного искуснее в телекинезе, даже не поведя бровью он останавливал все и отправлял обратно. Вокруг и между дуэлянтов образовался вихрь из предметом.

Гримуар все время летал рядом, он был зачарован и защищен барьерами более сильными, чем

те, которыми мог защищать сам себя Остахан. Волшебная книга предугадывала мысли своего хозяина. Она открывала нужные страницы, если это требовалось, и подсказывала заклинания.

«Юйо-па-аль-галь-пэ» – воскликнул Остахан и огонь объял одежды химеролога. Но когда только он произнес первый слог, Шу-Керат поднял ногу, а когда его окружило пламя, звонко топнул, и огонь с хлопком погас. Тогда химеролог ответил тем же заклинанием, и чародей утонул в столбе огня, но через мгновение, пламя обратилось голубым дымом, который был поглощен его стражем. Поглощенную силу Остахан вложил в новую атаку, он поймал свой посох за кончик и пользуясь инерцией ударил противоположным его концом о землю в направлении Шу-Керата. При ударе он кричал: «Каль-эсал-мальк». Камни под ногами химеролога взорвались трещинами и стали проваливаться, но тот воздел руки, вторая рука уже исцелилась, и обрушения не случилось.

-Тварь! Под нами террариум! – кричал химеролог. В пылу сражения Остахан не успел об этом подумать, и прямо сейчас ему в общем то было певать на все.

В тоже время вихрь предметов застыл и все, что висело в воздухе по прямой устремилось в чародея. Остахан ушел от атаки кувырком, но предметы преследовали его, и он бросил им навстречу посох, который раскрутившись в полете разрушал все на своем пути. Одновременно с этим Шу-Керат прокричал заклинание и камни под его ногами соединились и больше не стремились обрушиться. Освободившийся от ноши он махнул рукой сверху вниз и на только что бросившего посох Остахана обрушилась часть потолка. Чародей вскинул руки, силясь остановить падающую на него глыбу, и призрачный силуэт повторил за хозяином. Кусок потолка завис в воздухе. Камень не раздавил бы его, но прижал бы к земле, лишив подвижности. Сверху на него, не удержавшись на краю дыры упала и роскошная кровать Шу-Керата. Это едва не заставило Остахана уронить каменную глыбу. Но ударившись кровать разбилась и ее куски попадали спереди и позади Остахана.

В то время, когда падала кровать, химеролог три раза щелкнул пальцами бросив в чародея три разряда молний, но эти молнии были слабее той, которую создавал Остахан. Духовный страж взмахивал рукой со скоростью не уступающей разрядам и отбил все молнии. Когда разряд касался призрачной руки, он проникал в нее, устремлялся в грудь стража и там растворялся.

Доводя свои телекинетические возможности до предела усилием воли, Остахан призвал свой посох и тот, возвращаясь словно бумеранг, расколол нависший над хозяином камень. Чародей развел руки в стороны и части камня упали слева и справа, едва не придавив ему ноги. Тут в него врезалась алхимическая колба. Шу-Керат осознав, что его молнии не достигли цели, притянул к себе несколько уцелевших пузырьков с веществами, быстро смешал их, мало заботясь о пропорциях, и так же быстро метнул в Остахана. Жидкость внутри колбы разбившейся о телекинетический доспех обратилась пламенем и прогрохотал взрыв. Чародея отбросило назад, его хранил доспех, но все же удар о землю был тяжел, а пламя зацепило его одежды. Духовный страж не мог рассеять алхимического огня.

Еще лежа на земле, Остахан вскинул руки и быстро прокричал: «Галь-энал», руки духовного стража выбирали на рунических лентах символы, как раньше это делал чародей своими собственными руками, и сейчас, под чарами ясновидения, было видно, что когда страж касался рун, они обращались волшебной силой, взлетали и встраивались в форму круга, целиком состоящего из волшебных энергий. А после слогов сказанных Остаханаом в этом кругу формировались и загорались символы. Все это происходило очень быстро. Чародей завершал заклинание проглатывая лишние слоги и добавляя усиливающие: «Мальк-Мальк Оваль». Остахан закрыл глаза, явился нестерпимо яркий светлячок. Шу-Керата ослепило, но он мысленно бросил в чародея груду хлама. В тоже время Остахан откатился в сторону,

вскочил на ноги и простым заклинанием создал воду, потушившую его одежды.

Светлячок погас, перед чародеем открыт гримуар. Вот-вот будет произнесен первый слог, но химеролог вдруг панически заорал и неудержимый крик обратился звуковым ударом. Башня сотряслась снова. Остахан припал на колено о заткнул уши руками, так же поступил и страж, словно родитель оберегающий слух ребенка от грязного слова.

Шу-Керат прокричал, умолк и пошатнулся, сделал шаг назад. Он ослабел. Чародей же приходил в себя после оглушения. Химеролог осмотрел руины своей лаборатории, раздраженно фыркнул, отступил к дыре в стене и плавно поднявшись в воздух вылетел наружу, во двор. В полете, он произносил заклинание. Остахану вдруг показалось, что башня накреняется, его, как и все предметы в помещении, потянуло вперед, прямо в дыру в стене, он отклонил тело назад, его ноги стали соскальзывать по казалось бы наклонившемуся полу. Глаза стража засветились, и мир для Остахана начал приобретать привычное притяжение, но прочие предметы продолжали падать в сторону. Чародей споткнулся, кусок кровати подхватил его и унес за собой. Теперь он оказался снаружи и в тот же момент, предметы стали падать в правильном направлении и устремились вниз, как и сам Остахан. Оттолкнувшись от мешавшего куска мебели чародей выровнялся и стал падать ногами вниз. Чародейские руны на сапогах сработали сами собой, сопротивление воздуха увеличилось, под ногами появились слабые завихрения, скорость падения уменьшалась, но расстояние до земли было не велико. Врезавшись в земную твердь ногами, Остахан ослабил удар приседая и совершив кувырок. Он перекатился несколько раз и распластался на земле.

Хотелось бы ему вот так вот полежать хотя бы несколько мгновений, но и их не было. До ушей чародей донесся колокольный звон он вскочил на ноги.

-Кар-ка-ка! Кар-ка-ка! – смеялся Шу-Керат, поваливший ограду чупакабр и трезвонящий в командный колокол. Сила воли химеролога была уже на пределе. Он не рисковал и пользовался всеми своими преимуществами. На Остахана несся молодняк, а из чащи вскочила одна… нет уже две взрослых твари, и чутье подсказывало, что на болоте их еще много.

Но чародей не растерялся, он торопливо выхватил из-за воротника свисток и тут же им воспользовался. Среди выпавших предметов был и посох, Остахан нашел его взглядом, вытянул руку и тот прилетел, мягко лег в ладонь. Чародей встал в боевую стойку. Химеролог вымотан, но и Остахану следует приберечь силы. Сила воли свойство изменчивое и относительное.

Чародей взмахнул посохом и размозжил вдребезги черепушку самой быстрой твари. Остальные чудища подоспели следом, окружили его, пытались царапать, били и толкали, но не могли пробить доспеха, запрыгивали на спину, цеплялись за руки и за ноги. А Остахан кружил среди них, отбивался, лупил тварей и посохом, и кулаками, и ногами. Выхватил кинжал на поясе и резал особо ретивых. Крупный монстр был уже близко, чародей силой телекинеза метнул в него острый обломок мебели, пробил твари глотку. Второе чудовище было дальше, но оно прыгнуло по кошачьи высоко, намереваясь задавить жертву весом. Прайм поймал монстра в полете и взмыл вместе с ним в воздух. Из лесной чащи уже вышло не меньше десятка чупакабр. Стая со всех ног неслась к Остахану.

Грифон бросил пойманную тварь на большой высоте и тут же устремился вниз, он спикировал в самый центр стаи. Некоторые из монстров видели его полет и бросились навстречу, выставляя когти, но тщетно. Грифон приземлился опрокинув большую их часть, его когти и клюв разили плоть чупакабр, а взмахи мускулистых крыльев отбрасывали чудовищ, его пронзительный кличь предвещал их смерть. Прайм был крупнее и сильнее. Взрослые чупакабры ростом и весом как медведи, вот только грифоны уносят медведей в небо, как орлы

кроликов.

Улыбка сползла с лица химеролога. Он указал в Прайма и щелкнул пальцами, сверкнул слабый разряд. Но разве питомец чародея может быть обычным? Молния отскочила от золотистой шерсти грифона, как легкая стрела от прочного щита. Шу-Керат взъерошил себе волосы, потянул и вырвал один клок. Мимо него пронеслись три новеньких чупакабры, только что явившихся с болот.

-Кар-ка-ка! – лицо его исказил восторг внезапно нагрянувшего вдохновения. А вдохновение всегда придает сил.

Прозвонил колокол, трое монстров замерли. Химеролог приказал им встать друг на друга и прочел длинное и сложное новоявленное заклинание. Плоть чудовищ разорвалась и стала срастаться воедино, кости встали в форму единого скелета. Был создан чупокабро-подобный монстр с четырьмя передними лапами, шестью глазами и челюстью с несколькими рядами зубов.

Тварь равная грифону по весу и силе набросилась на него, опрокинула, рванула когтями, оставляя кровавые раны. Но Прайм не сдавался, он ударил крылом и сбросил с себя противника, сам перевернулся и теперь встав сверху, клювом впился гаду в грудь. Чудище взвыло, схватило грифона за голову одной парой лап, и когтями другой пары вонзилось в крылья. Грифон вскричал, когтями разодрал мышцы двух лап, державших голову, встряхнул крыльями и отпрыгнул отступая, при этом полоснув когтями тварь по морде, но в тот же миг он получил такой же удар в живот.

Прайм отступил еще, увеличил дистанций. На него набросились твари помельче, а крупный монстр подскочил и ударил грифона по морде, целясь в глаза. Его когти проскрежетали по клюву, чудом уклонившегося Прайма.

В тот момент, когда Прайма опрокинули, Остахан зарезал последнюю мелкую чупакабру. Он увидел, что его питомца подавляют в неравной схватке и непременно убьют, если не помочь. Химеролог был заворожен сражением чудовищ. Он безумно хохотал и оставил Остахана без внимания. Чародей обратился к гримуару, зачитал заклинание, появилась сфера, вместо «Мюйк» он воскликнул «Мальк» и сфера на огромной скорости взмыла в небо. Там она обратилась тучей. Для Остахана это должно быть последним заклинание на сегодняшний день. Он указал на монстра из плоти. «Ку-элог каль-мю!» - с небес сорвалась вспышка, прогрохотало, запахло паленой плотью. Чудовище разорвало на куски. Чародей указал на группу новеньких тварей, столпившихся вместе и бегущих к нему. Монстров поджарило и разметало в разные стороны. Тут же он указал на Шу-Керата, но химеролог тоже воссоздавал чары, над его головой сверкнуло, раздался грома. Атив-Силибатум был невредим, рядом с ним возвышался длинный металлический шип, вершина которого под-плавилась и испускала дымку.

Чародей попытался вызвать еще одну молнию. Но раздался лишь слабый раскат у них над головами. Туча рассеялась. Слабость овладела разумом и всем телом Остахана, он уперся на посох, чтобы не упасть.

Шу-Керат истерично смеялся. Безумное вдохновение подстегивало. Из кусков плоти, валявшихся вокруг, он создал еще одну тварь, поменьше, но не менее смертоносную. Прайм растерзавший оставшихся чупакабр вступил в битву с очередной химерой.

Тем временем химеролог собирался создать еще одно чудовище и зачитывал первые слоги, но его прервал прилетевший в лоб камень. Остахан бросил его просто - рукой, и в полете уже был

еще один. Второй камень, химеролог остановил телекинезом, а вот третий больно врезался ему в стопу. Остахан бросая камни подходил все ближе. Они сражались на смерть, а именно воля к жизни раскрывает силу воли человека в полной мере. Даже из последних сил чародей телекинезом отправил в полет валун побольше, но уже не в химеролога, а в чудовище, с которым бился его питомец и друг.

А Шу-Керат терял веру в себя. С ним почти на равных сражался бездарный! Волшебство изменяло химерологу и искусство телекинеза больше не подчинялось ему, и все чаще в него попадали камни. Но он тоже стремился победить и выжить, а безумное вдохновение заменило ему телекинез. Атив-Силибатум мысленными чарами призвал оторванную лапу чудовища и вживил в свое левое плече. Третья рука бугрилась мышцами и содержала в себе животную силу, она отбивала летящие камни или ловила и кидала обратно. Но одной руки было мало, он вживил еще одну в правое бедро и обзавелся третьим глазом, звериным, на правой скуле.

В то же время Прайму удалось одолеть чудовище, камень брошенный Остаханом, повредил твари одну из конечностей, что уровняло их шансы. Растерзав монстра, Прайм бросился на химеролога. Но Шу-Керат прекрасно видел это, он простым и быстрым заговором изменил свойства своего колокола и прозвонив в него оглушил, испугал грифона и ввел его в паническое состояние. Прайм по орлиному воскликнул, попятился, упал, вскочил и лишенный возможности взлететь из-за поврежденных крыльев бросился бежать прочь, прихрамывая на передних лапах. Победы над монстрами достались ему дорогой ценой.

В тоже время Остахан подобрался к Шу-Керату достаточно близко, он нацелился посохом ему в лоб. Но новая рука химеролога перехватила удар, попыталась вырвать посох, а через мгновение сама его отпустила, обожженная защитой зачарованного дерева. Чародей отпрыгнул, в то же время бросив кинжал свободной рукой, но метаморфозные руки были слишком ловкими. Одна из них поймала кинжал и вернула обратно. Тот вонзился Остахану в ногу, телекинетический доспех себя изжил. Чародей опустился на одно колено. Физически Атив превзошел Либриспира, прямое сражение сулило поражение. Единственное, что оставалось Остахану это превзойти противника ментально, положиться на силу воли и надеяться на удачу.

Чтобы воспрянуть духом он яростно воскликнул победный клич своей родины: «Ураааааа!» Духовный страж воплотился над ним и простер руки к Шу-Керату. Химеролог закричал, его тело испустило клубы голубого дыма, которые поглощались стражем. Тело и метаморфозные руки - все оцепенело. Его голову начало трясти, глаза закатились, он испытывал на себе мощь волшебной воли мира. Но тоже самое происходило и с Остаханом: заложило уши, сдавило виски, словно провисел головой половину дня. Чародей закрыл глаза, стиснул зубы, его пальцы сжали посох до хруста, до скрежета.

Но давление на Шу-Керата со временем усиливалось, а на Остахана ослабевало, как вдруг раздался крик и смех:

-ААА! Кар-ка-ка! Кар-ка-ка! АААХ! Нет…

У химеролога пошла кровь из носа, он открыл глаза и вперил взгляд в чародея. Он был ясным и решительным.

-Я не проиграю бездарному! Я одарен! Я избранный! Я любимец волшебства… Я! – его голова вдруг снова затряслась, осознанность на мгновение пропала, а когда она вернулась, кровь брызнула и из ушей.

Красные капли упали на посох, у Остахана тоже шла кровь. Он еще доминировал, но уже начинал проигрывать. От изнеможения он потерял всякое желание побеждать. Инстинкт выживания требовал прекратить противостояние. Чародей сказал:

-Филипп, сдайся. Отступись, я тоже отступлюсь и мы сохраним жизни.

-НЕТ! – провозгласил он утробным, не своим голосом.

Два его родных глаза закатились, но третий переместился на лоб, он смотрел ясно и пронзительно. Метаморфозные руки обе были теперь на плечах, они взяли своего владельца за голову, на ладонях светились колдовские знаки. Химеролог умирал, но еще при жизни его уже преображало его в чудовище посмертное проклятие. Наложенное им на самого себя, оно видимо должно даровать вторую, пускай и нечеловеческую, но все же жизнь.

-Я ПРЕВЫШЕ ЛЮБОГО СУЩЕСТВА! Я СВЕРХ ВСЕГО! Я ЕСТЬ ПРЕВОСХОДСТВО! Я ЕСТЬ ВЕЛИЧИЕ! Я ЕСТЬ БЕССМЕРТИЕ… Я УНИЧТОЖУ ТЕБЯ!

Остахан едва-едва мог удержать свое сознание. Духовный страж мерцал и тускнел. Надежда угасала, но она же и воспрянула вновь в волшебном таинстве. Либриспир ощутил песнь эльфийских чар в своих руках. Яркой вспышкой разомкнулось древесная гладь на посохе. Он открывается, только в миг великой нужды. Остахан ощутил небывалую легкость, забыл об ушибах и ране. Духовный страж возрос, золотой волшебной силой сияли неисчислимое количество знаков, символов, форм и рун из которых он состоял. Давление исчезло Либриспир получил полную свободу, а волшебство направило его движения. Легкий клинок выскользнул из посоха, а сталь эльфийской катаны рубила не чувствую сопротивления.

Вскакивая с колена Остахан нанес первый удар разрубая от бедра до плеча. Он стоял ровно, клинок был воздет вверх. Обратным движением, поворачиваясь в сторону, он снес чудовищной химере голову, ударом, которым эльфы казнят доблестных воинов. Тело Шу-Керата упало. Быстрый и четкий взмах клинком, снял с лезвия всю кровь. Волшебство по-прежнему направляет его движения. Он вложил катану в ножны широким движением, сводя руки воедино перед собой. И когда лезвие почти скрылось он замер, остановился на мгновение и со звонким щелчком спрятал клинок. В миг щелчка, последний отблеск лезвия ярко осветил все вокруг белым светом и все волшебные чары обратились в голубой дым. Соединившись части древка срослись, создавая гладкую поверхность, на которой не было ни намека на щель.

Чародей, он же Либриспир, он же бездарный волшебник, упал на траву, очень уставший. Он заворожённо наблюдал за небесным простором и плывущим по нему облакам, которым совершенно безразлична мирская суета.

***

Деревья разошлись и путь к башне был открыт, карета Маркуса Лейбнготвиля быстро приблизилась к башне. Остахан встречал их сидя на ступенях перед башней, курил. Подле ступень сидел Прайм терзавший и пожиравший тушу молодой чупакабры. Чуть в стороне в обнимку сидели Кубик и Фуня, они дрожали от шока и страха, а рядом с ними стояла Кэт, всем своим видом показывая насколько ей на все наплевать.

Первым из кареты выскочил Грегон, он побежал к Остахану. Следом вышел Маркус и быстрым шагом устремился вслед за юношей. Волшебник заметил Кэт, присвистнул, но прошел мимо.

Грегон остановился на две ступени ниже Остахана.

-Где она?

Остахан встал, положил руку ему на плечо и отрицательно показал головой. Лицо юноши искривилось в испуганном непонимании. Он схватил чародея за плечи, сильно сжал их.

-Что это значит?

Остахану тяжело было говорить, но он ответил.

-Ее больше нет.

-Ч… то? – его губы дрожали, брови то смыкались, то уходили на лоб – Я не верю! Где она? Где ее тело?

Юноша собирался броситься бежать в башню, но Остахан его удержал.

-Она - пепел… Прости…

-Прости? – залился слезами Грегон – Прости! Да зачем ты только пришел? Если бы не появлялся! Это ты виноват!

Юноша ударил чародея кулаком по лицу и собирался ударить вновь. Остахан не сопротивлялся.

-Эй-эй! Стоп! – воскликнул Лейбнготвиль.

Грегон ударил еще раз, схватил чародея за одежды и попытался бросить с лестницы в низ. Этому уж Остахан воспротивился, с неохотой, скорее уж инстинктивно, он защитился и оттолкнул юношу.

-Один, два, три на единице замри – произнес Камбинумир.

Волшебные энергии воссоздали трехгранный кубик, который приземлился в ладони волшебника. На кубике выпала двойка, а юноша, замахнувшийся для нового удара, стал медлителен, словно угодил в воду.

-От шести до трех, станешь маленьким на четырех!

Трехгранный куб исчез, а вместо него появился шестигранник, на котором выпала как раз-таки четверка. Грегон стремительно уменьшался, до тех пока не стал настолько мал, что мог бы запросто уместиться в чайной чашечке, словно в ванной. Волшебник взял подопечного за шкирку и поставил на ладонь.

-Подумай над своим поведением.

Маленький человечек ругался тоненьким забавным голоском и угрожающе размахивал кулачками.

-Юноше нужно выплеснуть чувства – оправдывал Грегона Остахан.

-Но не избивать же тебя.

-Он имеет на это право. Если бы я…

-Если то, если это… Если бы ты осознавал всю широту вероятностей, не переживал бы по такому поводу. Я знаю лишь одного виновного, и это не ты. И кем я вообще буду, если позволю так просто колотить друга.

Остахан вытряхнул прогоревший табак, набил трубку еще раз. Сел на ступеньки, Камбинумир присел рядом.

-Ты одолел одаренного. Малыш Хан вырос! Можешь гордиться победой.

- Не ерничай. Мне… не до гордости…

-А зря! Уныние - грех.

-Атив был ослаблен сложным ритуалом. И дрался откровенно паршиво, практически только телекинезом. Все же он был исследователем а не бойцом. Ты бы одолел его с легкостью.

-Еще бы! Жаль великая вероятность отказала в такой чести. Мне кажется она решила даровать этот шанс именно тебе. И ты блестяще им воспользовался. Не имея дара ты победил одаренного! Подумай Хан. Подумай…

Чародей нервно усмехнулся.

-Марк, ты уменьшил человека подбросив кубик. А ты смог бы подбросив кубик вернуть человека к жизни?

-Мне понадобится кидать три двадцатигранных кубика так, чтобы на каждом выпала семерка, и нужно совершить три броска подряд и результат каждого из них должен быть одинаков – три семерки. [37] Воскресить кого-то вообще-то очень сложно.

-К чему такие сложности? Уменьшать в размере значит просто, раз для этого годится один кубик. Плоть, кости, кровь и прочие части человека сжимаются, в довесок еще и ткани одежды - это вовсе не просто. Так в чем же разница? Загадай номер, брось один кубик как сейчас, и свершится чудо.

-Нет! Это работает не так. Попробуй я облегчить условия, то и силы воли приложить нужно будет больше. Тогда я скорее всего лишусь сознания, а результата не достигну. С одним кубиком вообще рискую умереть. Ты спросил в чем же разница и я тебе отвечу. Разница в значимости, или важности, или ценности, называй как хочешь. Представим весы. Они взвешивают значимость явления относительно людей. Что будет тяжелее форма жизни, такая как размер, или жизнь сама по себе, факт бытия. Я думаю ответ очевиден.

-Относительно людей, тяжелее то, что сильнее трогает сердце и западает в душу. Оно то и важно людям, оно то и мыслится чудом.

-Значимость проводит черту между чудом и банальностью! – Маркус возликовал, ничто на свете не могло подавить его задорный нрав.

Он взял Грегона за шкирку и передал Остахану. Вскочил на ноги потянулся и сильно хлопнул друга по спине.

-Зато теперь тебе принадлежит его башня! Что будешь с ней делать?

-Глаза б мои не видели этой башни. Наверное, разрушу. Или хочешь тебе подарю? Но только

башню. Свитки, книги и волшебных существ оставлю себе.

-Башня мне не нужна. Подари мне вон ту кошку.

-Она разумное живое существо спрашивай ее саму… Я имел ввиду не химер, а одаренных существ, посмотришь лабораторию, поймешь… Нужно еще придумать куда пристроить тех двоих – он указал на Кубика и Фуню – не думаю, что найдется деревня, в которой смогут принят их.

-Так подари Люксситуле, ей понравятся химеры-прислуги. Хороший знак примирения, я считаю.

-Чтобы я перед ней льстился и просил прощения, не бывать такому. Не дорос ты еще мне любовные советы давать.

-Ха-ха! Внешность волшебников бывает обманчива.

-Мне достоверно известно, что ты молод, даже младше меня!

-А может я обманул твоих достоверных информаторов.

-Ври больше.

-Ха-ха! Хан, знаешь, что?

-Ну?

-Первым было число!

Либриспир фыркнул, а Камбинумир смеялся.

-Пойду кошку уговаривать. Как ее зовут?

-Кэт.

-А у этого Афтина была великолепная фантазия!

-Не оскорбляй мертвых

-Не брюзжи старик!

Маркус спустился на несколько ступеней, остановился, посмотрел в даль, обернулся. Он улыбался и глядя Остахану в глаза произнес на незнакомом чародею языке:

-Le vent se leve – он взглянул на Грегона – il faut tenter de vivre… [38]

Примечания:

1. Камбинумир (ударение на У; лат. combiner numeri – объединяющий числа)

2. Вероятность успеха равна 1,953125E-12 – это очень мало. Формула: = 1/20=0,05; три кубика по 0,05^3 = 0,000125; брошенные три раза 0,000125^3 = 1,953125E-12.

3. «Le vent se leve, il faut tenter de vivre» - Крылатая фраза отсылающая к анимационному фильму Хаяо Миядзаки «Ветер крепчает».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/77551/2328073